

Максим Дрёмов

Таблицы, орфографии и оправы Льва Рубинштейна

Для поколения, к которому принадлежу я — не только поколения поэтов, критиков, исследователей, но прежде всего поколения *читателей*, — поэзия Льва Рубинштейна уже не представляла той напряженной зоны концептуальной разработки, какой она описана в программных текстах — «Последних цветах Льва Рубинштейна» Михаила Берга, «Московском романтическом концептуализме» Бориса Гройса. Нами, родившимися спустя годы после текстов «Регулярного письма», она понималась как *таблица* — для кого умножения, а для кого и Менделеева — преподнесенный нам как данность плод переозначения и реструктуризации компонентов культуры, без которого, хоть ты тресни, твои интерпретативные операции обречены.

В основе этой таблицы, конечно, не позитивистское утверждение «корректного способа письма» (или даже «способа письма, делающего невозможным иные способы письма» — ведь именно такой фрейм критики культурных ценностей зачастую обобщающе приписывают концептуалистской поэзии вообще), задающего «корректную читательскую реакцию», но своего рода негативная диалектика — систематическое знание противопоставлено пониманию (и чувственному, и эстетическому), а само последовательное развертывание логики, претендующей на тотальность, рушит ее структуру²² — этот библиотечно-карточный домик. Поэтому стихи Рубинштейна гораздо более, чем просто «забавны», несмотря на значительный комический компонент (это присутствие комического, рубинштейновское остроумие тоже хочется констатировать отдельно — слегка в пику торжественно-серьезному тону разговора, который порой ведется вокруг по-человечески смешных фрагментов) — и сообразная реакция возникает у читателя интуитивно: если при моих попытках представить школьникам русскоязычную поэзию конца XX века стихи Д.А. Пригова обычно сопровождал здоровый хохот — с последующими моими разъяснениями насчет прагматики подобных текстов, то сама модальность стихов Рубинштейна побуждает прежде всего *разобраться*, а уж затем — осознать в чем.

Надеюсь, мои слова не будут сочтены ни редуцией, ни насмешкой — напротив, будучи удостоенным чести говорить о Льве Рубинштейне как представителе поколения двадцатилетних, я хочу продемонстрировать актуальность его способа письма для повседневного категориального аппарата 2020-х годов: я полагаю, что здесь дело в вайбе. Вайб — этот неуловимый гибрид ауры и коннотации — реализуется не в структуре текста, не в лексике, не в отборе материала (реалиях, которые мы не могли застать), но в обескураживающем принципе презентации, подрывающем все оценки, которые можно вынести по инерции. За вайбом в ассоциативном ряду следует склоняемое на все лады понятие «хонтология», а оттуда уж недалеко и до одного из центральных чувст-

22 См. об этом: *Адорно Т.* Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. С. 133–134.

венных регистров поэзии Рубинштейна — ностальгии. Над самой возможностью молодежи ностальгировать можно посмеяться — и объявить тихий пафос сентиментального коллекционирования принципиально противоположным эмоциональным побуждениям младших поколений, которым полагается дерзить, буйствовать, неистовствовать и ниспровергать отжившее. Но разве не знакома каждой и каждому ностальгия по реальности до 2022-го? До 2020-го? До две тысячи, например, 18-го, 16-го, 14-го и какого еще угодно года? Эффект обнуления и девальвации всего, что было известно, знакомо, ценно и любимо, — пусть порой с оговорками, брезгливостью, зажатым носом — если и не стал рутинным, то переживается с такой незавидной частотой, что «писать ностальгией» и «писать временем» парадоксальным образом стали синонимичны. И ключевой для Рубинштейна образ альбома современный рецепиент легко спроецирует на альбом виртуальный — соцсетевой: такая двойная имитация подлинного, симулякр (простите за слово позавчерашней моды!) нового порядка для него естественна, а любовь к стихам Рубинштейна соседствует у многих наших современников с веб-археологией, мазохистическим разглядыванием заброшенных и мертвых сетевых страниц, вытаскиванием из глубин интернета чужих и собственных постов N-летней давности — слепков «того же, но иного» субъекта. Разве могли бы существовать — или, по меньшей мере, существовать такими, какие они есть, проникнутые этим этосом стихи Влада Гагина, Марии Земляновой, Дмитрия Герчикова, Софии Амировой, а также — поднимаясь на еще одну ступень хронологии, к недавним дебютантам — Егора Зернова, Арины Воронцовой, Максима Хатова, Евгении Цориевой, без осуществленного Рубинштейном масштабного опыта по сочленению и разложению чувственных понятий?

Я намеренно назвал имена поэтесс и поэтов, чья поэтика не состоит с Рубинштейном в отношениях прямого родства. Мне кажется, что стихи Рубинштейна вообще не оставляют возможности для директивного наследования или размежевания, как не оставляет ее, например, реформа орфографии — ее можно разве что демонстративно не замечать, превратив ретроградство в художественную рамку (со смертью Яна Каплинского, кажется, все действующие авторы, регулярно пользующиеся ерами и ятями, стоят на позициях воинствующей реакции — это обстоятельство легко развить в рамках нашей метафоры). О демонстративно не замечающих говорить нечего, ведь:

63.

Не заметил, как ветер утих и погасли последние звезды —

64.

Позабудешь, что все позади и что время ушло безвозвратно; <...>²³

Однако к числу тех, для кого эта дискретность — «на один вдох», великая меланхолия повседневного и сложное, антиномическое отношение к банальному и отжившему (и никогда — не бесчувственное и беспристрастное созерцание) — назовем его посткритикой — стали именно орфографией современной

23 *Рубинштейн Л.С.* Регулярное письмо // Рубинштейн Л.С. Регулярное письмо. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996 (<http://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/1-13.html>).

поэзии, относительно которой употребимы слова «зная», «задействуя», «имея в виду», но не «поверх», не «продолжая» и не «в противовес», принадлежит большая часть авторов, разговор о которых интересен и продуктивен для нас.

Скажу и несколько слов об этой *посткритике*. Я употребляю здесь этот термин, следуя скорее интуитивной логике языка, нежели сложившейся вокруг него научной и философской традиции, восходящей к Б. Латуру, К. Мейясу, Э. Анкер и Р. Фельски и др.²⁴; по аналогии с другим словом на «пост-», окончательного надоевшем и в бытовом, и в высокоученом употреблении, — «пост-иронией». Взгляд Рубинштейна на собственный поэтический материал и на собственного же субъекта характеризуется следующим феноменом: осколок дискурса, сам по себе не претендующий на возможность различения и разглядывания среди множества своих примерных аналогов, оказывается скомпрометирован самим фактом выпадения из естественной среды и помещения в оправу рубинштейновского каталога, в эту, если угодно, *разреженность стихового ряда*, его нелепость, отсутствие подлинного основания выставлены напоказ, при этом одновременно с этим оказанное внимание селектора наделяет его новой символической ценностью, не ниспровергает и не подвергает насмешке, а скорее задает новый фрейм безоценочного понимания. Понимание может быть вызвано лишь вниманием, к которому и призывает уже легендарная карточка «Автор среди нас». И это внимание оказывается взглядом из пересечения сфер критики и апологии — горькой пилюлей в сладкой оболочке. Или — хочется сказать — сладкой пилюлей в горькой оболочке, однако мы и без того перевернули с ног на голову достаточно фразеологии. Хочется не просто знать о возможности подобной тончайшей нюансировки высказывания в поэзии сегодняшнего дня, но и верить в это собственное знание.

Я не был знаком с Львом Рубинштейном и даже, увы, не имел удовольствия с ним разговаривать. Моя реплика не претендует ни на обобщение, ни на реинтерпретацию, ни на манифестацию того, кем был Рубинштейн для меня и моего поколения (кем был? — был Львом Рубинштейном). Я не думаю, что сказанное мною как-либо сущностно ново. Льву Рубинштейну посчастливилось иметь не просто умных, внимательных и солидарных, но и порою конгениальных читателей, а потому, добавляя свой голос к уже прозвучавшим, всегда тревожно записываешь себя в комичную книгу из текста «Это я», апофеоз беспомощности мысли: «Мартемьянов Игорь Станиславович. Сезон откровений: Сб. лит.-критич. статей. — М.: Современник, 1987». Но хочется верить, что, во-первых:

39.

<...> *Проснувшись, я подумал, что, действительно, важно ведь не только то, что сказано, но и то, когда...* <...>²⁵

сколь бы печальным ни был повод для этого «когда», а во-вторых:

24 См.: Anker E.S., Felski R. Critique and Postcritique. Durham: Duke University Press, 2017; а также теоретический обзор «посткритического поворота» в: Керимов Т.Х. Упорство критики и тупики посткритики // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 2. С. 60–85.

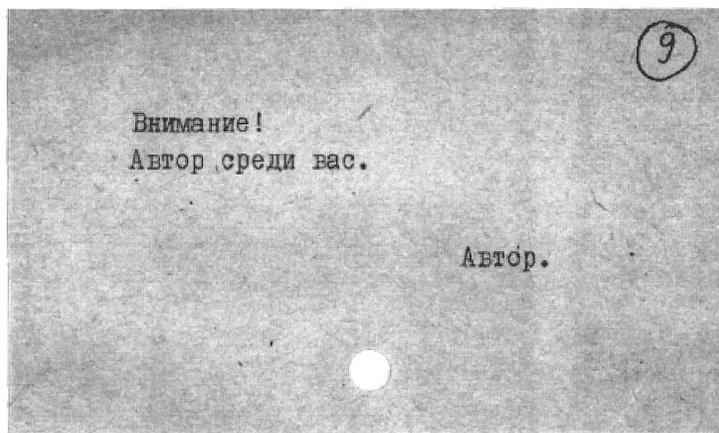
25 Рубинштейн Л.С. С четверга на пятницу // Рубинштейн Л.С. Регулярное письмо. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996 (<http://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/1-4.html>).

71.

И хотя все это уже давно и хорошо известно,

72.

Почему-то все равно интересно²⁶.

Лев Рубинштейн. «Программа совместных переживаний», 1981

Александр Скидан

Оммаж Льву Рубинштейну

(РЕДИ - МЕЙД)²⁷

Тренировочное упражнение (определите вид тропа).

Вариант 1

1. Лиса — хитрость, заяц — трусость, осел — глупость.

Ответ: _____

26 *Рубинштейн Л.С.* Регулярное письмо // Рубинштейн Л.С. Регулярное письмо. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996 (<http://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/1-13.html>).

27 Текст представляет собой реди-мейд следующего документа: Русский язык ЕГЭ. Задание № 24. Практикум № 2; источник: Русский язык в школе. 2014. № 4. О.В. Прядильникова. Выразительные средства лексики (<https://multiurok.ru/files/russkii-iazyk-iege-zadaniie-24-praktikum-2-istochnik-riash-2014-4-o-v-priadiil-nikova-vyrazitelnye-sredstva-lieksiki.html>).